

М. П. Драгомановъ и „Вольное Слово“*).

Перейдемъ теперь ко второму событію или, вѣрнѣе, ряду событій, съ которыми связанъ М. П. Драгомановъ, и посмотримъ, какъ о нихъ рассказываетъ въ своей исторіи В. Я. Богучарскій. Мы имѣемъ въ виду изданіе въ Женевѣ съ августа 1881 по май 1883 года газеты „Вольное Слово“, которая была основана для того, чтобы дать возможность всѣмъ оппозиціоннымъ и революціоннымъ направленіямъ, за исключеніемъ террористическаго, высказаться, а потомъ объявила себя органомъ „Общества Земскаго Союза и Самоуправленія“ или, коротко, „Земскаго Союза“. В. Я. Богучарскій посвящаетъ, какъ было упомянуто выше, этой газетѣ и Земскому Союзу всю предпоследнюю главу своей книги. Онъ стремится связать Земскій Союзъ съ Священной Дружиной; для этого онъ даже переноситъ въ эту главу свое ни на чемъ не основанное утвержденіе, что Нивинскій явился къ Драгоманову съ „солидными рекомендаціями“, и вообще снова возвращается къ Нивинскому, хотя Нивинскій никакого отношенія къ Земскому Союзу не имѣлъ. Какъ мы указали выше, П. Л. Лавровъ и М. Н. Оловенникова могли вступить въ переговоры съ Э. И. Нивин-

*) Редакція признала нужнымъ ознакомить читателей „Украинской Жизни“ съ предлагаемымъ отрывкомъ изъ выходящей на-дняхъ брошюры Б. А. Кистяковскаго „Странички прошлаго“ (Въ защиту М. П. Драгоманова, В. А. Гольцева и другихъ по поводу книги: В. Я. Богучарскій. Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIX вѣка. Партія „Народной Воли“, ея происхожденіе, судьбы и гибель. Москва, 1912 г.). При этомъ редакція исходила изъ того соображенія, что чрезвычайно важно распространять исторически вѣрныя свѣдѣнія о М. П. Драгомановѣ, этомъ самомъ выдающемся политическомъ дѣятелѣ Украины въ XIX столѣтіи. Предлагаемый отрывокъ по своему содержанію представляетъ цѣльный очеркъ, хотя въ началѣ его и встрѣчаются указанія на предшествующую главу брошюры. Въ главѣ этой авторъ на основаніи подлинныхъ документовъ доказываетъ, что В. Я. Богучарскій не имѣлъ никакого основанія дѣлать предположеніе о томъ, что делегатъ Священной Дружины Э. И. Нивинскій, пріѣхавшій въ іюль 1882 года изъ Петербурга за границу для переговоровъ съ членами Исполнительнаго Комитета, имѣлъ къ М. Драгоманову „солидныя рекомендаціи“.

скимъ только при томъ условіи, что Земская Лига, представителемъ которой послѣдній себя выдавалъ, не тождественна съ Земскимъ Союзомъ, издававшимъ „Вольное Слово“ при ближайшемъ участіи М. П. Драгоманова. Къ срединѣ 1882 года между М. П. Драгомановымъ и лицами, сочувствовавшими террору и Народной Волѣ, уже никакихъ отношеній не могло быть.

О Земскомъ Союзѣ прежде всего надо сказать, что съ самаго возникновенія его, въ него втерлись нѣсколько (по крайней мѣрѣ, два) „секретныхъ сообщителей“, какъ они названы въ запискѣ департамента полиціи „О противоправительственныхъ сообществахъ, не столь вредныхъ“. Однимъ изъ этихъ „секретныхъ сообщителей“ былъ А. П. Мальшинскій, основатель „Вольнаго Слова“; въ запискѣ онъ названъ Крапивинимъ, причемъ въ ней отмѣчено, что это псевдонимъ. Относительно двойной роли А. П. Мальшинскаго не могло быть больше сомнѣнія послѣ того, какъ эта записка была опубликована въ „Общемъ Дѣлѣ“ въ іюлѣ 1883 года, т.-е. спустя два мѣсяца послѣ прекращенія „Вольнаго Слова“.

Конечно, этотъ фактъ проникновенія въ Земскій Союзъ съ самаго возникновенія его „секретныхъ сообщителей“ свидѣтельствуетъ объ очень плохой организаціи его, особенно если принять во вниманіе, что въ то время наша политическая полиція еще не изловчилась въ подобныхъ приѣмахъ сыска. Но мы теперь знаемъ, что спустя двадцать лѣтъ, когда въ началѣ текущаго столѣтія возникала нынѣшняя партія социалистовъ-революціонеровъ, въ нее съ самаго начала вошелъ такой же секретный сообщитель Е. Ф. Азефъ. Онъ скоро проникъ въ Центральный Комитетъ партіи и сталъ во главѣ ея Боевой Организациі, т.-е. подобно Мальшинскому изъ секретнаго сообщителя превратился въ провокатора. Но это обстоятельство не даетъ повода считать партію социалистовъ-революціонеровъ „дѣтищемъ“ департамента полиціи или излагать ея исторію съ точки зрѣнія провокаціи Азефа.

Теперь посмотримъ, какъ В. Я. Богучарскій рассказываетъ исторію „Вольнаго Слова“ и „Земскаго Союза“. Глава, посвященная имъ, начинается слѣдующимъ образомъ:

„Нашъ, конечно, требующій еще многихъ дополненій, очеркъ исторіи борьбы „мужественныхъ добровольцевъ“ съ „крамолою“ былъ бы крайне неполонъ, если бы мы не

попытались раскрыть еще одну страничку изъ ихъ дѣятельности,—страничку, на которой не останавливался до сихъ поръ ни одинъ изъ историковъ нашей общественности; эта страничка открывается 1881 г., проходить черезъ весь 1882 и захватываетъ даже часть 1883 года, т.-е. продолжается еще и тогда, когда организація „мужественныхъ добровольцевъ“ уже формально перестала существовать. Мы говоримъ объ извѣстной въ свое время заграничной газетѣ, во главѣ которой стоялъ нѣкоторое время покойный М. П. Драгомановъ,—„Вольное Слово“. Газета эта,—цѣлый рядъ соображеній, на нашъ взглядъ, неопровержимыхъ, привелъ насъ къ твердому въ томъ убѣжденію,—была тоже дѣтищемъ „мужественныхъ добровольцевъ“ (стр. 386—387).

Затѣмъ, послѣ краткой цитаты изъ автобіографіи Драгоманова и оговорки, что „М. П. Драгомановъ человекъ, во всѣхъ отношеніяхъ, разумѣется, безукоризненный“, слѣдуетъ цѣлый рядъ сообщеній все болѣе и болѣе сгущающихъ краски. Однако, это сгущеніе красокъ можетъ производить впечатлѣніе только на читателей, ничего до сихъ поръ не слыхавшихъ о „Вольномъ Словѣ“ и А. П. Мальшинскомъ. Къ нимъ, впрочемъ, къ сожалѣнію, принадлежитъ большинство русскаго общества, не исключая и его литературныхъ круговъ. Въ дѣйствительности В. Я. Богучарскій только и сообщаетъ давно извѣстный фактъ, что основателемъ „Вольнаго Слова“ былъ А. П. Мальшинскій, который былъ агентомъ департамента полиціи и „еще въ 1879 году составилъ для шефа жандармовъ Дрентельна секретную книгу по исторіи революціоннаго движенія въ Россіи“ (387). Новое освѣщеніе этого факта В. Я. Богучарскимъ заключается въ сообщеніи о томъ, что А. П. Мальшинскій съ 1896 года до своей смерти, послѣдовавшей 24-го іюня 1899 года, издавалъ ультра-реакціонную газету „Народъ“, и въ перепечаткѣ его некролога изъ „Новаго Времени“. Къ сообщенію „Новаго Времени“ о томъ, что Мальшинскій „сотрудничалъ въ „Порядкѣ“ Стасюлевича и „Берегѣ“ Цитовича“, В. Я. Богучарскій присоединяетъ обширное примѣчаніе, въ которомъ характеризуетъ крайне реакціонный характеръ „Берега“, а относительно сотрудничества въ „Порядкѣ“ приводитъ выдержку изъ письма къ нему Л. З. Слонимскаго. Въ немъ Л. З. Слонимскій говоритъ: „Имя Мальшинскаго мнѣ совершенно неизвѣстно, и я абсолютно не помню, помѣщались ли когда-нибудь его статьи

въ „Порядкѣ“. Случайнымъ сотрудникомъ онъ могъ быть, такъ какъ въ газетѣ приходится часто печатать корреспонденціи, статьи и замѣтки разныхъ незнакомецѣвъ, относительно которыхъ редакция не имѣетъ никакихъ свѣдѣній,—если содержаніе статей само по себѣ не даетъ повода къ какимъ-либо сомнѣніямъ“. Изъ этого сообщенія В. Я. Богучарскій спѣшитъ сдѣлать выводъ, что „отсюда видно, что о „сотрудничествѣ“ Мальшинскаго въ „Порядкѣ“, собственно говоря, не можетъ быть и рѣчи, но распространять о себѣ такія свѣдѣнія для Мальшинскаго имѣло, конечно, свое значеніе“¹⁾ (389, прим.). При этомъ В. Я. Богучарскій упускаетъ изъ виду, что при двойственной роли А. П. Мальшинскаго онъ могъ сотрудничать въ различныхъ изданіяхъ только подъ псевдонимами, и потому вполне естественно, если Л. З. Слонимскому неизвѣстно его имя, а затѣмъ для Мальшинскаго имѣло значеніе распространять свѣдѣнія о своемъ сотрудничествѣ въ „Порядкѣ“ не въ „Новомъ Времени“, притомъ не въ собственномъ некрологѣ въ 1899 г., а въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Впрочемъ, пишущій эти строки можетъ удостовѣрить, что ему не разъ приходилось слышать, что въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ А. П. Мальшинскій слылъ на югѣ Россіи очень радикальнымъ публицистомъ. Это и проложило ему, вѣроятно, путь и въ Земскій Союзъ, и къ изданію „Вольнаго Слова“.

Возвращаясь къ разсказу В. Я. Богучарскаго, надо отмѣтить, что затѣмъ онъ приводитъ явно неточную цитату изъ „Библіографическаго каталога“ Элпидина, въ которой послѣдній говоритъ о „Вольномъ Словѣ“, что „въ журналѣ было два редактора,—одинъ пріѣзжій изъ Петербурга, другой эмигрантъ, привать-доцентъ кіевскаго университета Мих. Драгомановъ“. Этого „пріѣзжаго“ Элпидинъ называетъ Мальшинскимъ. Однако, изъ предшествующаго и послѣдующаго ясно, что эти два лица были редакторами „В. Сл.“ не одновременно, а разновременно. А что Мальшинскій былъ лишь „пріѣзжимъ“, выяснилось только позже. Слѣ-

1) Въ заключительной фразѣ В. Я. Богучарскій говоритъ: „Вѣдь „Порядокъ“ издавался до того времени (курс. подлинника), когда Мальшинскій уѣхалъ за границу мистифицировать Драгоманова своимъ „либерализмомъ“ принадлежностью къ Земскому Союзу“. Это выражено крайне неточно: „Порядокъ“ возникъ до указанного времени, но затѣмъ пять мѣсяцевъ „Вольное Слово“ и „Порядокъ“ издавались одновременно, такъ какъ первый номеръ „Вольнаго Слова“ вышелъ 8-го августа 1881 г., а послѣдній номеръ „Порядка“—8-го янв. 1882 г.

дующее затѣмъ мѣсто въ книгѣ В. Я. Богучарскаго показываетъ, что даже опечатки въ ней противъ М. П. Драгоманова. Такъ, пытаясь характеризовать „Вольное Слово“, В. Я. Богучарскій говоритъ: „Вольное Слово“, видимо, было обставлено прилично въ матеріальномъ отношеніи, отличалось значительнымъ разнообразіемъ получавшихся изъ Россіи свѣдѣній и ставило одною изъ своихъ главныхъ задачъ на-ряду съ борьбою за политическую свободу и борьбу съ терроромъ. Сотрудниками газеты были, съ одной стороны, такіе безусловно преданные дѣлу свободы и демократіи люди, какъ самъ М. П. Драгомановъ, а съ другой стороны—небезызвѣстный „спеціалистъ по славянскимъ дѣламъ“, нынѣшній сотрудникъ „Новаго Времени“ г. Веселитскій-Божидаровачъ“ (390). Если обратиться къ „замѣченнымъ погрѣшностямъ“ въ концѣ книги В. Я. Богучарскаго, то оказывается, что послѣ словъ: „самъ М. П. Драгомановъ“ должно стоять „и П. Б. Аксельродъ“ (483). Но, конечно, большинство читателей въ списокъ опечатокъ не смотритъ. Самъ В. Я. Богучарскій долженъ былъ замѣтить свою погрѣшность, такъ какъ черезъ два печатныхъ листа въ его книгѣ приведена большая цитата изъ статьи Драгоманова „Либерализмъ и земство въ Россіи“, въ которой сообщается, что въ „Вольномъ Словѣ“ сотрудничали нѣкоторые чернопредѣльцы, сдѣлавшіеся впоследствии социаль-демократами (415—416). Впрочемъ, отрицать сотрудничество П. Б. Аксельрода въ „Вольномъ Словѣ“ невозможно, такъ какъ въ немъ помѣщены нѣсколько большихъ статей его по социально-экономическимъ вопросамъ за полную подписью. П. Б. Аксельродъ указанъ въ числѣ сотрудниковъ „Вольнаго Слова“ вмѣстѣ съ извѣстнымъ политико-экономистомъ Н. И. Зиберомъ и въ книгѣ В. Л. Бурцева „За сто лѣтъ“.

Послѣ вышеприведенной цитаты съ опечаткой В. Я. Богучарскій говоритъ, что „вскорѣ въ издававшемся въ то же время за границей журналѣ „Общее Дѣло“ (подъ редакціей Н. А. Бѣлоголоваго, В. А. Зайцева и А. Х. Христофорова) стали появляться прямыя обвиненія противъ Мальшинскаго, какъ противъ полицейскаго агента“ (390). Къ сожалѣнію, В. Я. Богучарскій и здѣсь не точенъ, такъ какъ онъ не говоритъ, что значить это „вскорѣ“, т.-е. съ какого времени начали появляться эти обвиненія Мальшинскаго. Затѣмъ онъ передаетъ со словъ А. Х. Христофорова, что

„Мальшинскій выдавалъ себя за члена „Земскаго Союза“, органомъ котораго и являлась будто бы газета „Вольное Слово“. Это сообщеніе и даетъ поводъ В. Я. Богучарскому перейти къ изслѣдованію вопроса о томъ, что же это былъ за „Земскій Союзъ“. Для этого онъ и перепечатываетъ сперва вышеупомянутую записку „О противоправительственныхъ сообществахъ, не столь вредныхъ“ (стр. 391—396). Далѣе онъ еще нѣсколько разъ возвращается къ „Вольному Слову“. Но въ заключеніе, какъ мы указывали въ началѣ нашего критическаго очерка, онъ, приведя мнѣніе нѣкоторыхъ революціонеровъ, считавшихъ „Вольное Слово“ органомъ провокаторскимъ, отказывается признать его таковымъ.

Однако, что представляло изъ себя „Вольное Слово“ по своей программѣ и по своему идейному содержанию, В. Я. Богучарскій не говоритъ. За исключеніемъ нѣ котораго намека на характеристику „Вольнаго Слова“ въ вышеприведенной цитатѣ съ опечаткой и отказа признать „Вольное Слово“ провокаторскимъ органомъ, въ заключительномъ выводѣ В. Я. Богучарскій не характеризуетъ это изданіе. Этимъ онъ явно вводитъ своихъ читателей въ заблужденіе, такъ какъ „Вольное Слово“ чрезвычайно рѣдкое изданіе (даже въ Румянцевской библіотекѣ есть только пять номеровъ изъ шестидесяти одного, притомъ не характерныхъ для этого изданія), и познакомиться съ нимъ непосредственно очень трудно. Впрочемъ, если бы онъ далъ правдивую характеристику программы и содержанія „Вольнаго Слова“, то ему пришлось бы отказаться отъ своего утвержденія, что оно было „дѣтищемъ мужественныхъ добровольцевъ“ (стр. 387 и 436). Тогда онъ лишилъ бы себя права сказать, что въ 1883 году „Священная Дружина“ формально уже была закрыта, но существованіе свое еще нѣкоторое время продолжала отстаивать—поддержкою заграничной газеты „Вольное Слово“ (стр. 433). Пишущему эти строки много разъ въ своей жизни удавалось знакомиться съ сборниками разрозненныхъ номеровъ „Вольнаго Слова“, а въ январѣ 1906 года ему пришлось работать надъ полнымъ экземпляромъ этого изданія, конечно, для строго опредѣленной литературной цѣли. Это и даетъ право пишущему эти строки утверждать, что по своему содержанию „Вольное Слово“ отъ перваго до послѣдняго номера было абсо-

лютно честнымъ конституціоннымъ органомъ. По своей программѣ и своему типу оно очень близко къ „Освобожденію“, издававшемуся П. Струве сперва въ Штуттгартѣ, а затѣмъ въ Парижѣ съ 1902 по 1905 годъ. Впрочемъ, если бы изъ содержанія „Вольнаго Слова“ можно было извлечь хоть что-нибудь въ пользу утвержденія В. Я. Богучарскаго, что оно было „дѣтищемъ“ Священной Дружины, то онъ бы это извлекъ. Но все, что В. Я. Богучарскій выудилъ изъ содержанія „Вольнаго Слова“ для доказательства своего утвержденія, заключается прежде всего въ одномъ отрицательномъ фактѣ — плохой освѣдомленности „Вольнаго Слова“, или, вѣрнѣе, М. П. Драгоманова. Онъ пишетъ, что „даже въ 1889 г., когда Драгомановъ писалъ свою статью „Либерализмъ и земство въ Россіи“, такой громкій фактъ, какъ высылка изъ Таврической губ. въ 1881 г. крупнаго земскаго дѣятеля В. К. Винберга, былъ извѣстенъ бывшему редактору „Вольнаго Слова“ только въ качествѣ „неяснаго слуха“. Уже одно это могло бы заставить усомниться въ томъ, что „Вольное Слово“ было прямымъ органомъ Общества Земскаго Союза и Самоуправленія“... (стр. 417). Но этотъ фактъ ничего рѣшительно не доказываетъ. Вѣдь, „Освобожденіе“ издавалось черезъ двадцать лѣтъ послѣ „Вольнаго Слова“, когда и организація въ земской средѣ была лучше, и сношенія между земцами были чаще, и несмотря на это хуже всего въ „Освобожденіи“ былъ поставленъ інформаціонный отдѣлъ, особенно по земскимъ дѣламъ. Это хорошо извѣстно всѣмъ, кто въ свое время стоялъ близко къ „Освобожденію“ или теперь стоитъ близко къ П. Б. Струве,—слѣдовательно, не только пишущему эти строки, но и В. Я. Богучарскому. Положительные факты, которые В. Я. Богучарскій приводитъ въ доказательство своего утвержденія, что „Вольное Слово“ было „дѣтищемъ Священной Дружины“, заключаются въ его увѣреніяхъ, что въ „Вольномъ Словѣ“ „появились сообщенія, указывающія объ очень большой освѣдомленности въ придворныхъ дѣлахъ корреспондентовъ газеты“ (стр. 419). Однако въ подтвержденіе своего увѣренія онъ приводитъ единственный случай, когда „Вольному Слову“ было прислано „Положеніе о личной охранѣ Е. И. В. Государя Императора“ за нѣсколько дней до распубликованія его въ „Правительствен-

номъ Вѣстникѣ“. Но подобной освѣдомленностью могутъ обладать и сотни самыхъ мелкихъ людишекъ. Затѣмъ В. Я. Богучарскій приводитъ еще два сообщенія изъ „Вольнаго Слова“ о самой Священной Дружинѣ (420—421). Однако, эти сообщенія ничего не доказываютъ, такъ какъ слухи объ этой организаціи проникали тогда въ общество и такія же сообщенія появлялись въ то время во всѣхъ нелегальныхъ органахъ.

Обращаемъ вниманіе читателей на то, что все, что В. Я. Богучарскій извлекъ изъ содержанія „Вольнаго Слова“ для того, чтобы доказать его связь съ Священной Дружиной, относится къ области сообщенія или несообщенія извѣстныхъ свѣдѣній, а не къ области отстаиванія и проповѣди какихъ-нибудь идей. Изъ этой послѣдней области В. Я. Богучарскій можетъ поставить въ вину „Вольному Слову“ уже въ другихъ мѣстахъ своей книги только борьбу съ терроромъ, притомъ не отъ своего, а отъ чужого имени, такъ какъ онъ самъ отрицательно относится къ террору. Онъ долженъ былъ бы прибавить еще и борьбу съ якобинствомъ и заговорщицтвомъ (бланкизмомъ) Народной Воли. Но объ этомъ онъ благоразумно умалчиваетъ, такъ какъ иначе передъ читателемъ раскрылась бы громадная идейная заслуга „Вольнаго Слова“.

Для характеристики отношенія „Вольнаго Слова“ къ террору В. Я. Богучарскій между прочимъ рассказываетъ слѣдующее: „Крапивинъ по словамъ „Записки“ (о противоправительственныхъ сообществахъ, не столь вредныхъ) обратился за содѣйствіемъ (для изданія газеты) сначала къ Лаврову, но получилъ отказъ. Намъ извѣстно самымъ положительнымъ образомъ, что такой фактъ дѣйствительно былъ, что нѣкій субъектъ обращался въ 1881 году къ П. Л. Лаврову съ предложеніемъ поставить газету и „вести ее въ какомъ угодно направленіи“, съ однимъ лишь условіемъ— „бороться и съ революціоннымъ терроромъ“ и что Лавровъ въ своемъ содѣйствіи такому предпріятію отказалъ. Посланный субъектъ не скрывалъ передъ Лавровымъ своей настоящей фамиліи. Это былъ Аркадій Павловичъ Мальшинскій, о которомъ мы уже достаточно говорили выше“... (411). Все это въ связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ рассказано В. Я. Богучарскимъ такъ, что читатель можетъ

подумать, что Лавровъ сразу же разгадалъ въ Мальшинскомъ провокатора, не далъ себя мистифицировать подобно Драгоманову и чуть ли не спустилъ Мальшинскаго съ лѣстницы. А между тѣмъ пишущему эти строки точно извѣстно, что знакомство Лаврова съ Мальшинскимъ на этомъ визитѣ Мальшинскаго не оборвалось, а продолжалось нѣкоторое время, и что Лавровъ косвенно даже оказывалъ содѣйствіе „газетѣ Мальшинскаго“. Объ этомъ есть свѣдѣнія и въ печати. Такъ, въ одномъ изъ писемъ М. П. Драгоманова (написанномъ осенью 1885 г.) въ разсказѣ о событіяхъ, происходившихъ въ 1881 г., есть такая случайно брошенная фраза: „Пріѣхалъ Аксельродъ, котораго Лавровъ рекомендовалъ Мальшинскому въ хроникеры въ „Вольное Слово“¹⁾. Правда, Лавровъ отказался отъ прямого участія въ „Вольномъ Словѣ“. Но причина этого заключалась не въ Мальшинскомъ, а въ самомъ Лавровѣ: послѣдній въ 1880 и первую половину 1881 года не разъ выступалъ противъ террора, но со второй половины 1881 года онъ началъ мѣнять свое отношеніе къ террору. Черезъ годъ съ небольшимъ послѣ визита Мальшинскаго Лавровъ уже вступаетъ отъ имени Исполнительнаго Комитета въ переговоры съ делегатомъ Священной Дружины Нивинскимъ, а черезъ два года онъ, становясь однимъ изъ редакторовъ „Вѣстника Народной Воли“, дѣлается членомъ этой по преимуществу террористической партіи. Это впрочемъ не помѣшало Лаврову, когда Л. А. Тихомировъ раскаялся, опять высказаться противъ террора²⁾.

Возвращаясь къ вопросу объ отношеніи „Вольнаго Слова“ къ террору, надо указать на то, что существованіе этого изданія совпало съ моментомъ кризиса въ этомъ вопросѣ. Не только П. Л. Лавровъ мѣнялъ тогда свое отношеніе къ террору, но и часть чернопредѣльцевъ съ Стефановичемъ во главѣ въ моментъ возникновенія „Вольнаго

¹⁾ М. Драгоманов. Листи до Івана Франка і інших. Т. I. Львів, 1906, стр. 135. Вышеприведенная фраза переведена съ украинскаго.

²⁾ Въ Энциклопед. Словарѣ Брокгауза и Ефрона, т. II (дополнительный), стр. 51, В. В.—въ по поводу этихъ колебаній Лаврова говорить слѣдующее: „Увлекаемый ходомъ революціонной мысли въ Россіи, ни въ какомъ случаѣ не идя впереди ея, онъ (Лавровъ) въ концѣ 1870-хъ гг. сбѣгался хотя и не безусловнымъ и нѣсколько колеблющимся сторонникомъ новаго революціоннаго направленія, извѣстнаго подъ именемъ народовольчества“.

Слова" присоединилась къ партіи Народной Воли. Даже другая часть чернопредѣльцевъ въ лицѣ Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода и В. И. Засуличъ, изъ которыхъ впослѣдствіи въ 1902—3 годахъ В. И. Засуличъ и Г. В. Плехановъ уже въ качествѣ социаль-демократовъ такъ мужественно выступили противъ террора (мы отвлекаемся отъ отвратительныхъ формъ полемики, возникшей тогда), въ то время постепенно начали колебаться. Вѣдь въ 1883 году Г. В. Плехановъ на одинъ моментъ даже вступилъ въ редакцію „Вѣстника Народной Воли“, но отстранился отъ нея еще до выхода перваго номера ¹⁾).

Единственный М. П. Драгомановъ оставался въ это время непоколебимымъ въ своихъ взглядахъ на терроръ. Но, конечно, не Мальшинскій и не „Вольное Слово“ заставили его вести жестокую борьбу съ терроромъ и „Народной Волей“. Этого не осмѣливается утверждать даже В. Я. Богучарскій. Самое важное выступленіе М. П. Драгоманова противъ террора, его брошюра „Le Tyrranicide en Russie et l'Europe occidentale“, которая больше всего сердила народовольцевъ, такъ какъ компрометтировала ихъ передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, относится къ времени до возникновенія „Вольнаго Слова“ ²⁾). Пишущему эти строки приходилось слышать даже отъ противниковъ террора мнѣніе, что прямолинейная борьба М. П. Драгоманова съ терроромъ была иногда политической безтактностью. Можетъ быть, это и такъ. Но М. П. Драгомановъ сознательно уклонялся отъ практической политической дѣятельности и принципиально не вступалъ ни въ какія русскія политическія партіи. Поэтому своей главной задачей онъ считалъ блюсти въ своей публицистической дѣятельности чистоту извѣстныхъ политическихъ принциповъ. Пускай въ этой дѣятельности были безтактности, но эти безтактности создавались не глупостью, не непониманіемъ истиннаго положенія дѣлъ, даже не ошибками, а трагическимъ стеченіемъ обстоятельствъ, которыя вообще привели къ такому печальному факту, какъ террористическая дѣятельность

¹⁾ См. Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, 3 дополн. полут., стр. 421.

²⁾ Она помѣчена 30 марта 1881 г., а первый номеръ „Вольнаго Слова“ вышелъ 8 августа 1881 г. Русскій переводъ этой брошюры напечатанъ въ „Собраніи политическихъ сочиненій“ М. П. Драгоманова. Изд. ред. „Освобожденія“, т. II, Парижъ, 1906, стр. 334—366.

партіи Народной Воли. Къ тому же, если съ точки зрѣнія чистыхъ практиковъ въ этой дѣятельности были безтактности, то тѣмъ больше въ ней теоретическаго ума, преданности идеямъ, смѣлости, честности и послѣдовательности въ отстаиваніи исповѣдуемыхъ принциповъ. Наконецъ, говоря объ идейной борьбѣ М. П. Драгоманова съ Народной Волей, нельзя забывать, что она выразилась не только въ борьбѣ съ проповѣдью и практикой террора, а и съ якобинствомъ и бланкизмомъ этой партіи. Безъ предшествовавшей идейной работы М. П. Драгоманова была бы невозможна столь совершенная теоретическая постановка вопросовъ объ якобинствѣ и бланкизмѣ въ сочиненіяхъ Г. В. Плеханова „Соціализмъ и политическая борьба“, Женева, 1883, и „Наши разногласія“, Женева, 1884. Въ этихъ вопросахъ Г. В. Плехановъ является, несомнѣнно, послѣдователемъ М. П. Драгоманова. Правда, Г. В. Плехановъ принадлежитъ къ числу тѣхъ преемниковъ, которые не признаются въ своемъ родствѣ, и оправданіемъ этого ему служить, вѣроятно, то обстоятельство, что честь сдѣлать популярными эти идеи принадлежитъ безспорно не М. П. Драгоманову, а ему, Г. В. Плеханову. Но будущій историкъ роста политической мысли въ Россіи долженъ будетъ установить эту преемственность и связь идей.

Возвращаясь къ идейному содержанію „Вольнаго Слова“, мы считаемъ нужнымъ повторить, что оно было безупречно честнымъ и послѣдовательнымъ конституціоннымъ органомъ печати. Въ своей автобіографіи М. П. Драгомановъ рассказываетъ, что въ концѣ 1882 года ему „было предложено спеціальнымъ делегатомъ „Земскаго Союза“ принять на себя редакцію „Вольнаго Слова“. М. П. Драгомановъ принялъ это предложеніе и съ перваго номера за 1883 годъ или съ пятьдесятъ втораго номера всего изданія „Вольное Слово“ начало выходить подъ его редакціей. Въ этомъ № 52 передовая статья, озаглавленная „Отъ новаго редактора „Вольнаго Слова“, лучше всего даетъ представленіе объ истинномъ идейномъ характерѣ этого изданія. Мы перепечатаваемъ ее ниже цѣликомъ изъ „Собранія политическихъ сочиненій“ М. П. Драгоманова, какъ очень важный историческій документъ ¹⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 648—651.

Отъ новаго редактора „Вольнаго Слова“.

Съ настоящимъ номеромъ «Вольное Слово» вступаетъ въ третій (гражданскій) годъ своего существованія. Передъ читателями лежитъ уже пятьдесятъ одинъ номеръ газеты, по которымъ они могутъ судить о развитіи ея содержанія, объ ея характерѣ и цѣляхъ. Основанная прежде всего съ цѣлью дать высказаться всѣмъ оттѣнкамъ общественной мысли, которые душитъ цензура въ Россіи, эта газета въ то же время имѣла въ виду поддерживать въ сознаніи народовъ, населяющихъ Россію, повсемѣстно обнаружившіяся въ нихъ стремленія къ выходу изъ угнетающаго ихъ политическаго порядка,—или, лучше, беспорядка,—посредствомъ преобразованія Россіи на такихъ началахъ, которыя дали бы возможность какъ индивидуумамъ, такъ и коллективностямъ въ этихъ населеніяхъ безопасно жить и безпрепятственно работать для усовершенствованія условий своей жизни. Начала эти: политическая свобода, т.е. неприкосновенность правъ личныхъ и національных и самоуправленіе общественныхъ группъ, отъ меньшихъ: общинъ, волостей и уѣздовъ, до обширныхъ: областей и, наконецъ, союза ихъ—цѣлаго государства. Разъясненію этихъ началъ въ примѣненіи къ Россіи посвящена была большая часть статей, помѣщенныхъ въ «Вольномъ Словѣ» не только по внутреннимъ вопросамъ, но и по поводу явленій жизни иностранныхъ государствъ, которыя могли служить для Россіи прямымъ или косвеннымъ поученіемъ.

Изъ явленій жизни иностранной «Вольное Слово» обращало особенное вниманіе на событія и положеніе дѣлъ въ странахъ, сосѣднихъ съ Россіей и населенныхъ племенами, родственными съ славянскимъ большинствомъ ея населенія. Дѣлалось это вслѣдствіе убѣжденія, что международная будущность Россіи и сосѣднихъ съ ней единоплеменныхъ странъ тѣсно связаны между собою и что рабство внутри Россіи неизбѣжно отражается и на ея сосѣднихъ единоплеменникахъ, ослабляя какъ ея, такъ и ихъ внутреннія силы, и понижаетъ обоюдное ихъ международное значеніе. Затѣмъ, въ жизни иностранной усиленное вниманіе «Вольнаго Слова» было обращено на различныя проявленія такъ наз. соціального вопроса. Дѣлалось это вслѣдствіе убѣжденія редакціи, что этотъ вопросъ первостепенной важности во всемъ мірѣ представляется важнымъ и для Россіи, особенно въ виду преобладающаго, такъ сказать, мужицкаго состава ея населенія, а также въ виду существованія въ ней въ обширныхъ размѣрахъ общинной формы землевладѣнія, въ которой мыслители разныхъ политическихъ направленій ищутъ теперь основы для упорядоченія соціально-экономическихъ отношеній. Редакція «Вольнаго Слова» была убѣждена, что вопросы соціально-экономическіе должны привлечь къ себѣ усиленное вниманіе общественныхъ группъ въ населеніяхъ Россіи, по полученіи ими при политической свободѣ съ самоуправленіемъ возможности заняться устройствомъ своихъ дѣлъ. И такъ какъ теперешній запретительно-полицейскій строй въ Россіи создалъ

цѣлый рядъ недоразумѣній относительно явленій социальна-экономической жизни и борьбы общественныхъ слоевъ, которая ведется теперь во всемъ цивилизованномъ мѣрѣ и составляетъ разныя стороны социальнаго вопроса, то редакция «Вольнаго Слова» рѣшила прежде всего способствовать разсвѣтленію этихъ недоразумѣній изображеніемъ съ возможной для небольшого изданія полнотой самыхъ разнообразныхъ проявленій социальнаго вопроса и отношеній къ нему различныхъ партій въ болѣе свободныхъ странахъ. Съ этой цѣлью «Вольное Слово» давало картины отношеній къ социальному вопросу какъ консервативно-религіозныхъ партій, въ родѣ австро-германскихъ антисемитовъ, такъ и революціонно-соціалистическихъ партій, обращая особое вниманіе на проявленія самоорганизации и самодѣятельности народныхъ массъ и на связь социальна-экономическаго вопроса съ вопросами политическаго и административнаго самоуправленія, которое одно можетъ дать основы для правильнаго и возможно мирнаго разрѣшенія социальна-экономическихъ противорѣчій.

Приобрѣтеніе этого самоуправления въ Россіи составляетъ первую цѣль общества «Земскій Союзъ», при помощи котораго основана была газета «Вольное Слово» и котораго программа, развиваемая уже по частямъ въ разныхъ статьяхъ редакціи и ближайшихъ сотрудниковъ газеты, въ непродолжительномъ времени будетъ въ цѣломъ напечатана при «Вольномъ Словѣ». Такъ какъ настоящій редакторъ «Вольнаго Слова» съ самаго начала своей литературной дѣятельности въ Россіи и за границей поставилъ себѣ цѣлью служить изложеннымъ выше началамъ, которыя лежали въ основаніи изданія «Вольнаго Слова», то онъ и не затруднился принять на себя редакцію названной газеты съ настоящаго номера. Такимъ образомъ, переимѣна редакціи «Вольнаго Слова» не произведетъ существенныхъ измѣненій въ газетѣ, тѣмъ болѣе, что составъ ближайшихъ сотрудниковъ изданія остается и впредь тотъ же, который былъ въ послѣдніе восемь мѣсяцевъ.

Постоянные читатели «Вольнаго Слова» замѣтили, конечно, постепенное увеличеніе въ этой газетѣ статей сотрудниковъ, болѣе или менѣе постороннихъ редакціи и отличающихся отъ нея нѣкоторыми отгѣнками мнѣній. Какъ было уже сказано, помѣщеніе голосовъ такихъ сотрудниковъ входило въ цѣли нашего изданія съ самаго начала его основанія. Мы позволяемъ себѣ надѣяться, что число такихъ сотрудниковъ и впредь будетъ возрастать въ «Вольномъ Словѣ». Главная цѣль послѣдняго—агитация словомъ (единственнымъ орудіемъ для литературнаго предпріятія, да еще заграничнаго) въ пользу установленія въ Россіи политической свободы—составляетъ въ настоящее время общій членъ программъ различныхъ группъ среди мыслящихъ людей въ Россіи всякихъ національностей. Вполнѣ естественно, что въ разныхъ группахъ этихъ существуютъ различныя мнѣнія относительно не только способовъ приобрѣтенія, но и дальнѣйшаго пользованія упомянутой свободой и самыхъ ея виѣшнихъ формъ. Но программа, предполагающая не только поверхностное измѣненіе

формы центрального правительства, а также—и даже главнымъ образомъ—глубокое преобразование всего общественнаго строя на началахъ свободы личной и самоуправленія даже самыхъ мелкихъ общественныхъ единицъ, представляетъ то удобство, что она даетъ наиболѣе простора для всѣхъ идейныхъ разнообразій и практическихъ опытовъ. Къ такой программѣ естественно должны бы пристать всѣ, кто желаетъ, при предстоящемъ въ Россіи измѣненіи ея политическаго строя, простора для своей искренней мысли и честной дѣятельности, а не властвованія надъ другими. Мы можемъ увѣрить всѣхъ такихъ настоящихъ и будущихъ дѣятелей, что они найдутъ для изложенія своихъ мыслей и плановъ самый дружескій пріемъ на страницахъ редактируемаго нами изданія. **М. Драгомановъ.**

Развивать такую программу, конечно, не могъ органъ, который былъ бы „дѣтищемъ мужественныхъ добровольцевъ“ и поддерживался бы Священной Дружиной. Обращаемъ вниманіе читателей на то, что въ вышеприведенной программной статьѣ не только указывались задачи и цѣли „Вольнаго Слова“ на будущее, но и давалась характеристика предшествующихъ пятидесяти одного номера, которые вышли подъ редакціей Мальшинскаго. Конечно, эта характеристика соотвѣтствовала дѣйствительности; иначе она не могла бы появиться тогда же въ печати. Впрочемъ, такой человѣкъ, какъ М. П. Драгомановъ, котораго даже жандармская записка характеризуетъ какъ человѣка, „до тонкости совѣстливаго“, не могъ бы принимать участія въ органѣ и затѣмъ сдѣлаться его редакторомъ, если бы въ немъ была хоть капля идейной грязи.

Какъ ни старается В. Я. Богучарскій представить „Вольное Слово“ „дѣтищемъ мужественныхъ добровольцевъ“, все-таки и ему приходится сообщить кое-что, свидѣтельствующее объ обратномъ. Такъ, онъ принужденъ сообщить со словъ И. И. Петрункевича, что, „будучи въ 1881—82 годахъ въ ссылкѣ, И. И. Петрункевичъ не имѣлъ никакого отношенія къ „Вольному Слову“, но отъ покойнаго В. А. Гольцева слышалъ, что этотъ органъ поддерживался матеріально черезъ послѣдняго“ (404). Но далѣе пишущій эти строки былъ чрезвычайно пораженъ, не находя въ книгѣ В. Я. Богучарскаго того другаго указанія на связь покойнаго В. А. Гольцева съ „Вольнымъ Словомъ“, которое было въ ней, когда соотвѣтственная глава книги печаталась въ видѣ статьи въ „Русской Мысли“. Въ статьѣ В. Я. Богучарскаго въ „Русской Мысли“ было слѣдующее сообщеніе: „Далѣе изъ цѣлаго ряда

вопросовъ, обращенныхъ къ разнымъ лицамъ, намъ выяснились слѣдующія четыре обстоятельства: ...2) что делегатъ „Земскаго Союза“, пріѣхавшій къ Драгоманову въ концѣ 1882 г.,—какъ о томъ рассказываетъ въ своей „автобіографіи“ самъ Драгомановъ,—былъ, повидимому, В. А. Гольцевъ¹⁾. Въ книгѣ это сообщеніе должно было бы находиться на 412 страницѣ. Но тамъ слова „слѣдующія четыре обстоятельства“ замѣнены словами „еще слѣдующія обстоятельства“ и затѣмъ сообщается только три обстоятельства. Слѣдовательно, вышеприведенное чрезвычайно важное сообщеніе о В. А. Гольцевѣ исчезло въ книгѣ безъ слѣда. Это даже не въ обычаѣ у В. Я. Богучарскаго, который обыкновенно обособываетъ свои измѣненія, сообщая новые документы. Какая же причина исчезновенія этого сообщенія изъ книги В. Я. Богучарскаго?—Первая мысль была, что В. Я. Богучарскій не хотѣлъ набрасывать тѣнь на память В. А. Гольцева не вполне достовѣрнымъ свѣдѣніемъ. Но въ самомъ сообщеніи о томъ, что В. А. Гольцевъ ѣздилъ въ качествѣ делегата Земскаго Союза въ Женеву убѣждать М. П. Драгоманова стать во главѣ „Вольнаго Слова“ и что онъ выполнилъ мвою миссію вполне удачно, нѣтъ ничего компрометирующаго В. А. Гольцева. Напротивъ, В. Я. Богучарскій сохранилъ въ своей книгѣ прямо компрометирующія память В. А. Гольцева сообщенія, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ они имъ переданы. Такъ, онъ пишетъ: „Другой извѣстный земець, принимавшій участіе въ „Земскомъ Союзѣ“, въ письмѣ къ намъ прямо говоритъ, что для поддержки „Вольнаго Слова“ В. А. Гольцевъ получалъ средства непосредственно отъ гр. Шувалова, съ которымъ онъ былъ лично знакомъ“ (стр. 404). В. Я. Богучарскій нашелъ нѣкоторое подтвержденіе давно извѣстнаго факта, что гр. П. П. Шуваловъ былъ виднымъ членомъ Священной Дружины и, слѣдовательно, конспирированіе В. А. Гольцева съ нимъ дѣйствительно можетъ набросить тѣнь на память В. А. Гольцева. Поэтому В. Я. Богучарскій заканчиваетъ присоединенное къ этому мѣсту примѣчаніе слѣдующимъ не то укоризненнымъ, не то извиняющимъ соображеніемъ: „И такой искренній человѣкъ, какъ Гольцевъ, былъ, видимо,

¹⁾ В. Я. Богучарскій. Изъ исторіи политической борьбы въ 80-хъ годахъ „Русская Мысль“, 1911 г., май, II отд., стр. 29.

введенъ Шуваловымъ въ заблужденіе“ (404, примѣч.). Все это заставляетъ насъ придти къ заключенію, что В. Я. Богучарскій устранилъ изъ своей книги вышеприведенное заключеніе не для того, чтобы пощадить память В. А. Гольцева. Оно, очевидно, устранено потому, что не согласовалось съ вышеотмѣченнымъ утвержденіемъ В. Я. Богучарскаго, что Священная Дружина и послѣ своего закрытія продолжала отстаивать еще нѣкоторое время въ 1883 г. свое существованіе—поддержкой заграничной газеты „Вольное Слово“ (433). Въ „Русской Мысли“ это утвержденіе В. Я. Богучарскаго еще усугублено, такъ какъ вмѣсто заключительнаго приговора В. Я. Богучарскаго въ его книгѣ, выраженнаго въ словахъ: „Оно (т.-е. „Вольное Слово“) явилось органомъ группы лицъ, принадлежавшихъ къ мужественнымъ добровольцамъ“ (стр. 436), въ „Русской Мысли“ мы находимъ слова: „Для насъ несомнѣнно, что оно („Вольное Слово“) являлось органомъ „Священной Дружины“¹⁾. Но если это утвержденіе В. Я. Богучарскаго вѣрно, то тогда надо придти къ заключенію, что В. А. Гольцевъ при свиданіи съ М. П. Драгомановымъ только выдалъ себя за делегата „Земскаго Союза“, въ дѣйствительности же онъ являлся делегатомъ „Священной Дружины“, далѣе, тогда, слѣдовательно, В. А. Гольцевъ велъ конспирацію съ гр. П. П. Шуваловымъ не потому, что Шуваловъ былъ конституціоналистомъ или выдавалъ себя за такового, а потому, что оба они, т.-е. и гр. П. П. Шуваловъ, и В. А. Гольцевъ, были членами Священной Дружины. Но вѣдь это колоссальная нелѣпость! В. А. Гольцевъ жилъ въ Москвѣ, вся интеллигентная Россія его знала, и то, что можно взвести на эмигранта М. П. Драгоманова, жившаго гдѣ-то далеко въ Женевѣ, того никакъ не взведешь на В. А. Гольцева. Курьезно, что В. Я. Богучарскій замѣтилъ эту нелѣпость только послѣ того, какъ его статья въ „Русской Мысли“ была напечатана. Но и послѣ устраненія вышеприведеннаго мѣста сопоставленіе различныхъ утверждений въ книгѣ В. Я. Богучарскаго заставляетъ придти къ заключенію, что В. А. Гольцевъ, беря деньги у гр. П. П. Шувалова на „дѣтище мужественныхъ добровольцевъ“ — „Вольное Слово“,—былъ лишь орудіемъ въ рукахъ „Священной Дружины“. Пишущій эти строки считаетъ и такую комбинацію совершенно несоотвѣтствующей дѣйствительности. Вѣдь

1) Р. М., 1911 г., май, II отд., стр. 43.

В. А. Гольцевъ поддерживалъ „Вольное Слово“, какъ абсолютно честный и послѣдовательный, по своему содержанію конституціонный органъ ¹⁾. Если же гр. П. П. Шуваловъ поддерживалъ матеріально „Вольное Слово“, то онъ или былъ убѣжденнымъ конституціоналистомъ, хотя и очень своеобразнымъ, о чемъ свидѣлствуютъ его роль въ Священной Дружинѣ и нѣкоторыя другія обстоятельства, или же онъ преслѣдовалъ при этомъ какія-то постороннія цѣли, но въ такомъ случаѣ онъ, подобно Мальшинскому, долженъ былъ мириться съ честнымъ конституціоннымъ направлениемъ „Вольнаго Слова“.

Въ чемъ же однако тѣ непосредственныя личныя нити, связывающія „Вольное Слово“, съ членами Священной Дружины, которыя заставляютъ В. Я. Богучарскаго придти къ заключенію, что „Вольное Слово“ было „органомъ группы лицъ, принадлежавшихъ къ мужественнымъ добровольцамъ“? Это три имени. Во-первыхъ, это А. П. Мальшинскій.—Но Мальшинскій не членъ Священной Дружины, а агентъ департамента полиціи, который изъ „секретнаго сообщителя“ о дѣлахъ Земскаго Союза превратился, какъ редакторъ послѣдовательно конституціонной, т.-е. въ то время революціонной газеты въ провокатора. Однако, В. Я. Богучарскій увѣряетъ, что онъ читалъ „собственными глазами одно подлинное письмо Мальшинскаго къ Священной Дружинѣ“, которое впрочемъ „относится къ 1883 году, т.-е. къ тому времени, когда Дружина формально была уже закрыта“ (433). Если В. Я. Богучарскій читалъ „собственными глазами“, то онъ знаетъ и содержаніе этого письма, но объ его содержаніи онъ намъ ничего не сообщаетъ. Въ такомъ случаѣ, принимая во вниманіе то, какъ В. Я. Богучарскій вообще придти къ своимъ заключеніямъ, мы въ правѣ предположить, что это ему только показалось, что письмо Мальшинскаго, которое онъ читалъ, обращено къ Священной Дружинѣ. Вѣроятно, оно обращено только къ какому-нибудь изъ членовъ Священной Дружины и по дѣламъ, не касающимся ея. Слѣдовательно, у насъ никакого доказательства того, что Мальшинскій былъ членомъ Священной Дружины, нѣтъ.

¹⁾ Желающихъ ознакомиться съ ролью В. А. Гольцева въ конституціонномъ движеніи этой эпохи мы отсылаемъ къ сборнику „Памяти Виктора Александровича Гольцева“, Москва, 1910, изданному подъ редакціей А. А. Криветтера, особенно къ статьямъ И. И. Петрункевича и Ч. Вѣтринскаго.

Другимъ лицомъ, которое связывало „Вольное Слово“ съ Священною Дружиною, былъ гр. П. П. Шуваловъ. Его принадлежность къ Священной Дружинѣ безспорно доказана. Но въ то же время гр. П. П. Шуваловъ былъ или выдавалъ себя за конституціоналиста. Къ тому же связь Шувалова съ „Вольнымъ Словомъ“ В. Я. Богучарскому удалось установить только черезъ покойнаго В. А. Гольцева, а послѣдняго, какъ жившаго въ Москвѣ, было труднѣе, чѣмъ эмигранта Драгоманова, сдѣлать помимо его вѣдома агентомъ Священной Дружины. Знакомство гр. П. П. Шувалова съ Драгомановымъ, повидимому, относится къ тому времени, когда „Вольное Слово“ уже прекратило свое существованіе.

Наконецъ, третье лицо, которое, по мнѣнію В. Я. Богучарскаго, связываетъ „Вольное Слово“ съ Священною Дружиною, это Э. И. Нивинскій. Но если Мальшинскій имѣлъ близкое отношеніе къ „Вольному Слову“, но, повидимому, никакого къ Священной Дружинѣ, то Нивинскій, наоборотъ, имѣлъ близкое отношеніе къ Священной Дружинѣ, но рѣшительно никакого отношенія къ „Вольному Слову“. Онъ былъ посланъ для того, чтобы вести переговоры съ террористами и, не располагая ни адресами, ни сколько-нибудь точными свѣдѣніями о тѣхъ лицахъ, съ которыми ему надо было увидѣться, попалъ къ М. П. Драгоманову. Послѣдній нѣсколько информировалъ его относительно общеизвѣстныхъ эмигрантскихъ дѣлъ, а вмѣсто адресовъ рекомендовалъ ему въ спутники В. К. Дебогорія-Мокріевича. Послѣ этого Нивинскій, наконецъ, добрался до П. Л. Лаврова, съ которымъ и продолжалъ свои сношенія. Какое это отношеніе имѣетъ къ „Вольному Слову“,—совершенно непонятно.

Но у В. Я. Богучарскаго есть и другія доказательства того, что „Вольное Слово“ было „органомъ группы лицъ, принадлежавшихъ къ мужественнымъ добровольцамъ“. Эти доказательства заключаются въ томъ, что Земскій Союзъ почти не существовалъ, что во всякомъ случаѣ онъ не могъ имѣть своего органа, такъ какъ у него не было для этого средствъ, что, наконецъ, основателя „Вольнаго Слова“ Мальшинскаго никто не зналъ изъ тѣхъ членовъ Земскаго Союза, которыхъ опрашивалъ В. Я. Богучарскій. Однако, какъ ни односторонне пессимистичны тѣ свѣдѣнія, которыя

собралъ В. Я. Богучарскій о Земскомъ Союзѣ, они насъ убѣждаютъ въ противномъ ¹⁾. Въ ихъ освѣщеніи даже отношенія покойнаго В. А. Гольцева къ гр. П. П. Шувалову рисуются и самому В. Я. Богучарскому, какъ мы увидимъ ниже, нѣсколько иначе, чѣмъ съ точки зрѣнія его утвержденія, что „Вольное Слово“ было „дѣтищемъ мужественныхъ добровольцевъ“, а „поддерживавшій его матеріально“ В. А. Гольцевъ „получалъ для этого средства непосредственно отъ гр. Шувалова“, т.-е. „былъ введенъ въ заблужденіе Шуваловымъ“.

Свѣдѣнія о Земскомъ Союзѣ В. Я. Богучарскому пришлось собирать путемъ личныхъ разспросовъ, такъ какъ до сихъ поръ не появилось воспоминаній о немъ его участниковъ. Наиболѣе цѣнныя свѣдѣнія, притомъ въ видѣ цѣлаго разказа, изложеннаго въ письменной формѣ, сообщилъ извѣстный общественный дѣятель И. И. Петрункевичъ. Однако эти свѣдѣнія относятся къ предварительнымъ стадіямъ движенія до основанія Земскаго Союза, такъ какъ И. И. Петрункевичъ очень рано былъ сосланъ въ Костромскую губернію и отстраненъ отъ земской дѣятельности. Напротивъ, дѣйствительные члены Земскаго Союза, къ которымъ обращался В. Я. Богучарскій, дѣлали свои сообщенія устно, притомъ не въ видѣ воспоминаній о Земскомъ Союзѣ, а въ видѣ своихъ личныхъ сужденій о немъ. Такъ, одинъ изъ опрошенныхъ В. Я. Богучарскимъ бывшихъ членовъ Земскаго Союза отвѣтилъ слѣдующее: „Я не знаю, получалъ ли Гольцевъ для „Вольнаго Слова“ деньги отъ Шувалова или нѣтъ, но знаю, что Земскій Союзъ поддерживать эту газету не могъ. Въ сущности, и самый Союзъ существовалъ больше по названію, чѣмъ въ дѣйствительности. Организованнаго не было ничего, кассы тоже. Гольцевъ собралъ что-то 70—80 рублей, это, кажется и все, что имѣлось въ его распоряженіи въ качествѣ „союзной“ суммы“ (стр. 404). Другой бывший членъ Земскаго Союза высказалъ мнѣніе, что „о Земскомъ Союзѣ, какъ объ организованномъ обществѣ, говорить можно лишь съ большими натяжками. Были земцы-конституціоналисты, являлись они и извѣстнымъ ферментомъ въ земской средѣ, но организациі, строго говоря, не существовало“. Такого же харак-

¹⁾ Лишь, желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ этимъ движеніемъ, мы отсылаемъ къ книгамъ И. П. Бѣлоконскаго. Земское движеніе и конституція. Москва, 1910, особенно стр. 9 и сл., и А. А. Корнилова. Общественное движеніе при Александрѣ II. Москва, 1909, стр. 241 и сл.

тера и сужденіе извѣстнаго земскаго дѣятеля Н. Н. Нечаева, переданное г. Вѣтринскимъ и воспроизведенное В. Я. Богучарскимъ. По мнѣнію Н. Н. Нечаева „и земскіе сѣзды, и Земскій Союзъ того времени не представляли въ дѣйствительности сколько-нибудь правильной, прочной и широкой организаци и дѣятельности; скорѣе это были собранія просто добрыхъ знакомыхъ, единомышленниковъ по важнымъ вопросамъ“¹⁾. Всѣ эти отзывы В. Я. Богучарскій резюмируетъ въ словахъ: „организованной дѣятельности земцевъ въ цѣляхъ борьбы за конституцію не было“ (стр. 405). Изъ дальнѣйшаго оказывается однако, что все это относится пока къ сѣвернымъ губерніямъ, группировавшимся около Москвы. Затѣмъ В. Я. Богучарскій сообщаетъ, что „было сверхъ того конституціонное движеніе и въ губерніяхъ южныхъ,—движеніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучше организованное и съ гораздо болѣе отчетливо выраженнымъ характеромъ“ (стр. 405). Но о послѣднемъ движеніи В. Я. Богучарскій не располагаетъ даже отзывами, подобными вышеприведеннымъ. Кое-что онъ передаетъ только о черниговскомъ земствѣ и объ украинской организаци „Громада“ (стр. 406—407). Однако, для опредѣленія роли украинскаго движенія въ общерусскомъ конституціонномъ движеніи онъ даже не использовалъ того, что уже опубликовано по этому вопросу, хотя бы въ письмахъ М. П. Драгоманова, дававшихъ уже поводъ для оцѣнки украинскаго движенія съ этой точки зрѣнія²⁾. Тѣмъ не менѣе, В. Я. Богучарскій считаетъ себя въ правѣ высказать въ заключеніе очень рѣшительное сужденіе о конституціонномъ движеніи на Украинѣ въ слѣдующихъ словахъ: „Такимъ образомъ, хотя конституціонное движеніе было въ Украинѣ несомнѣнно интенсивнѣе, чѣмъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, но и тамъ собственно земской организаци, которая охватила бы нѣсколько южныхъ земствъ, выработала бы общую программу и повела бы борьбу за конституцію,—такой организаци на югѣ, какъ и на сѣверѣ, не возникало“ (стр. 408).

¹⁾ Впрочемъ въ контекстѣ сужденіе Н. Н. Нечаева не производитъ такого безнадежнаго впечатлѣнія, какъ въ отрывочной передачѣ В. Я. Богучарскаго. Ср. Ч. Вѣтринскій. В. А. Гольцевъ. Биографическій очеркъ. Сборникъ „Памяти В. А. Гольцева“, Москва, 1910, стр. 43 и сл., особенно 39.

²⁾ См. М. П. Драгомановъ. Политическія сочиненія, т. I, Москва, 1908. Предисловіе, стр. IX и сл. Ср. также матеріалы, опубликованные въ „Русской Мысли“ 1911 г., сентябрь, стр. 132, подъ заглавіемъ „М. П. Драгомановъ по его письмамъ“.

Если мы теперь перейдемъ къ оцѣнкѣ переданнаго и высказаннаго В. Я. Богучарскимъ о Земскомъ Союзѣ, то прежде всего мы должны объяснить себѣ въ высшей степени пессимистическіе отзывы о немъ его бывшихъ членовъ. Кажется, однако, мы не ошибемся, если посмотримъ на это пессимистическое отношеніе какъ на обнаруженіе одного въ высшей степени характернаго социальнопсихологическаго явленія. Всякому приходилось, вѣроятно, замѣчать, что въ то время, какъ члены революціонныхъ организацій склонны обыкновенно къ величайшему оптимизму, къ вѣрѣ въ осуществленіе самыхъ, казалось бы, несбыточныхъ надеждъ, члены либеральныхъ и конституціонныхъ нелегальныхъ организацій всегда проникнуты скептическимъ и пессимистическимъ настроеніемъ къ своей организаціи и невѣріемъ въ свое собственное дѣло. Поэтому, если первые по большей части переоцѣниваютъ силы и шансы на успѣхъ своей организаціи, то вторые недооцѣниваютъ ихъ. Вѣроятно, объясняется это тѣмъ, что члены тѣхъ и другихъ организацій вербуются изъ различныхъ общественныхъ слоевъ, а представители этихъ общественныхъ слоевъ различно оцѣниваютъ вообще блага личной и общественной жизни. Къ этому общему социальнопсихологическому соображенію надо присоединить еще то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ рѣчь шла объ организаціи, которая существовала почти тридцать лѣтъ тому назадъ, и, дѣйствительно, не осуществила возлагавшихся на нее надеждъ. Понятно, что ея бывшимъ членамъ, успѣвшимъ за это время основательно постарѣть; можетъ казаться теперь, что ихъ организація и въ свое время никакого значенія не имѣла, да и вообще настоящей организаціи-то не было.

Но помимо всего этого свѣдѣнія о Земскомъ Союзѣ, собранныя В. Я. Богучарскимъ, крайне отрывочны и недостаточны. Судя по характеру тѣхъ отвѣтовъ, которые онъ получалъ, можно предположить, что онъ ставилъ лицамъ, сообщавшимъ ему свѣдѣнія, строго опредѣленные вопросы, выработанные имъ подъ влияніемъ уже сложившагося у него мнѣнія относительно призрачнаго существованія Земскаго Союза, какъ организаціи конституціоналистовъ. Однако, особенно важно то, что В. Я. Богучарскій совсѣмъ не использовалъ уже опубликованныхъ матеріаловъ о Земскомъ Союзѣ за исключеніемъ полицейской записки „О про-

тивоуправительственныхъ сообществахъ, не столь вредныхъ“. Онъ утверждаетъ, что „на почти полное отсутствіе документовъ, матеріаловъ и мемуаровъ, относящихся къ земскому движенію 70-хъ и 80-хъ годовъ, жалуются всѣ занимавшіеся этимъ вопросомъ писатели“ (стр. 391, прим.). Въ подтвержденіе этого онъ ссылается на соотвѣтственныя страницы въ книгахъ А. А. Корнилова, Ч. Вѣтринскаго и И. П. Бѣлоконскаго. Но при провѣркѣ этой ссылки оказывается, что и на этотъ разъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, В. Я. Богучарскій не вполне точенъ. Такъ, А. А. Корниловъ указываетъ подъ семью номерами на цѣлый рядъ источниковъ по исторіи земскаго движенія этой эпохи и только въ заключеніе выражаетъ удивленіе, что до сихъ поръ не появлялось личныхъ воспоминаній о немъ ¹⁾). Другіе два автора, и И. П. Бѣлоконскій и Ч. Вѣтринскій, одними и тѣми же словами говорятъ, что матеріаловъ по исторіи этого движенія „весьма мало“. Но если этихъ матеріаловъ мало, то все-таки они существуютъ и ихъ нельзя игнорировать, какъ это дѣлаетъ В. Я. Богучарскій. Особенно поразительно то, что В. Я. Богучарскій не обратилъ вниманія на программу Земскаго Союза, перепечатанную и въ книгѣ В. Л. Бурцева „За сто лѣтъ“ (ч. 1, стр. 209—211). Встрѣтивъ указаніе на нее въ вышеупомянутой полицейской запискѣ, онъ выражаетъ сомнѣніе въ томъ, что программа эта была выработана Земскимъ Союзомъ, и говоритъ о ней какъ о „программѣ якобы Земскаго Союза“ (стр. 409).

Наконецъ,—и это самое важное,—всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя В. Я. Богучарскимъ о Земскомъ Союзѣ, изложены имъ въ невѣрномъ освѣщеніи, такъ какъ онъ исключительно доискивается нитей, связывающихъ Земскій Союзъ съ Священной Дружиной. Особенно яркимъ примѣромъ невѣрнаго освѣщенія событій путемъ неправильной группировки фактовъ можетъ служить тотъ способъ, какимъ В. Я. Богучарскій изложилъ исторію конституціонныхъ адресовъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній. Онъ рассказалъ о нихъ въ главѣ, озаглавленной „Связи народовольцевъ съ обществомъ“. Неосвѣдомленный читатель можетъ подумать, что эти адреса подавались вслѣдствіе того, что у народовольцевъ были связи въ земской средѣ и земцы находились подъ ихъ вліяніемъ. Въ дѣйствительности въ этихъ адре-

¹⁾ А. А. Корниловъ. Общественное движеніе при Александрѣ II. Москва, 1909, стр. 241 (примѣч.).

сахъ ихъ авторы прямо отрекались отъ какой бы то ни было связи съ народовольцами, говорили о борьбѣ съ ними, но указывали, что такую борьбу можетъ вести только свободное общество, для чего и необходимо введеніе конституціонныхъ учрежденій. Съ другой стороны, всѣ историки земскаго движенія конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ связываютъ подачу земствами адресовъ съ дѣятельностью Земскаго Союза. Но В. Я. Богучарскій умалчиваетъ объ этой истинной связи историческихъ событій, такъ какъ онъ стремится связать дѣятельность Земскаго Союза съ дѣятельностью Священной Дружины. Такимъ образомъ, если отдѣльные факты онъ излагаетъ правильно, то общій ходъ событій онъ совершенно извращаетъ и рисуетъ невѣрную картину общественнаго движенія интересующей насъ эпохи.

Все это насъ убѣждаетъ въ томъ, что В. Я. Богучарскій не могъ доказать, что „Вольное Слово“ не было органомъ Земскаго Союза. Напротивъ, свидѣтельство М. П. Драгоманова и цѣлый рядъ другихъ фактовъ, хотя бы, напримѣръ, поддержка „Вольнаго Слова“ В. А. Гольцевымъ, служатъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что „Вольное Слово“ дѣйствительно было органомъ Земскаго Союза, а не только выдавало себя за таковой. Конечно, въ исторіи „Вольнаго Слова“ и Земскаго Союза остается еще много пробѣловъ, которые необходимо выяснитъ. Такъ, напр., если въ идейномъ отношеніи „Вольное Слово“, несомнѣнно, выражало стремленія Земскаго Союза, то, повидимому, оно не могло существовать на его средства. Вѣдь и „Освобожденіе“, какъ это хорошо извѣстно, даже спустя двадцать лѣтъ не могло существовать на средства „Союза Освобожденія“, а поддерживалось частными лицами. Выяснить эти обстоятельства можно только на основаніи новыхъ данныхъ. Поэтому надо пожелать, чтобы возможно скорѣе появились воспоминанія дѣятелей того времени о Земскомъ Союзѣ и „Вольномъ Словѣ“.

Б. Кистяковскій.